

**БАРОН ИД ДЕ НЕВИЛЛЬ. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:
ВЗГЛЯД СПРАВА**

А. А. Егоров

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 30 января 2019 г.

Аннотация: статья посвящена характеристике воспоминаний барона Жана-Гийома Ида де Невилля (1776–1857), которые являются ценным источником по истории Французской революции конца XVIII в. Будучи прямым участником роялистского движения во Франции в годы революции, Ид де Невилль представил на страницах своих мемуаров интерпретацию произошедшего с крайне правых, консервативных позиций. В мемуарах де Невилля подробно повествуется о суде над королем Людовиком XVI, об эпохе террора, связанной с восстанием 31 мая – 2 июня 1793 г., приведшим к установлению якобинской диктатуры, о контрреволюционных мятежах в Вандее, а также о «революциях» 13 вандемьера, 18 фрюктидора и 18 брюмера. Свидетелем, а зачастую участником всех этих событий, являлся автор мемуаров. Именно это обстоятельство помогает увидеть ключевые моменты Французской революции изнутри и с точки зрения ее непримиримого противника. Воспоминания де Невилля дают редкую возможность понять, что из себя представлял контрреволюционный лагерь во Франции, каковы были реальные планы французских роялистов, практика их борьбы против революционного режима, чем жили и на что надеялись сторонники монархии в 1793–1799 гг. Учитывая тот факт, что де Невилль входил в ближайшее окружение графа Карла д'Артуа, его мемуары приобретают особую историческую ценность. Цель автора статьи состояла в том, чтобы показать, как события Французской революции оценивались одним из ее наиболее ярых и последовательных врагов.

Ключевые слова: революция, король, восстание, народ, толпа, клубы, собрания, планы, роялисты, тюрьмы, процесс, суд, якобинцы, закон, партии, нация, нравы, меры.

Abstract: the article is devoted to the characterization of the reminiscences of Baron Jean Guillianme Hyde de Neuville (1776–1857), which are a valuable source of the history of the French Revolution of the late XVIIIth century. As a direct participant in the royalist movement in France in the years of the Revolution, Hyde de Neuville presented in his memoirs the interpretation of what had happened from the far-right, conservative position. In the memoirs of de Neuville, the story of the trial of King Louis XVI, the era of Terror, associated with the uprising of May 31 – June 2 1793, which led to the establishment of the Jacobin dictatorship, the counter-revolutionary revolts in the Vendee, as well as the «revolutions» of 13 Vendemaire, 18 Fructidor and 18 Brumaire are described in details. A witness and often a participant in this events, as mentioned above, was the author of memoirs. It is this fact that helps to see the key moments of the French Revolution from the inside and from the point of view of its irreconcilable adversary. Memoirs of de Neuville provide a rare opportunity to understand what counter-revolutionary camp in France was, what the real plans of the French royalists were, the practice of their struggle against revolutionary regime, what supporters of the monarchy lived and what they hoped for in 1793–1799. Because de Neuville was part of the closest circle of Count Charles d'Artois, his memoirs acquire a special historical value. The author's goal was to show how the events of the French Revolution were rated by one of its most ardent and consistent enemies.

Key words: revolution, king, revolt, people, crowd, clubs, meetings, plans, royalists, jails, process, court, jacobins, law, parties, nation, morals, memoirs.

Одним из примечательных источников по истории Франции в пору крушения «Старого порядка» являются мемуары барона Жана-Гийома Ида де Невилля (1776–1857). Это объясняется в первую очередь тем, что мемуарист немало места в своих воспоминаниях уделил Великой революции конца XVIII в. во Франции. «Британская энциклопедия» в этой связи прямо отмечает, что мемуары Ида де Невилля «представляют

огромный интерес для эпохи Революции и Реставрации» [1, р. 194]. О Французской революции, этой, как метко выразился Виктор Гюго, «царственной матери» XIX в., писали сотни современников. Тысячи историков посвятили ей свои труды, и, конечно, о ней и дальше будут писать все новые и новые поколения исследователей. В чем же в таком случае заключается интерес названных мемуаров, учитывая, что это всего лишь одно из многочисленных свидетельств той яростной, наполненной страстями и событиями эпохи?

Английский переводчик мемуаров барона назвал его Knight Errant – «Заблудшим Рыцарем», или «Рыцарем, сбившимся с пути» [2, р. X], и, думается, тем самым допустил грубейшую ошибку. Напротив, Ид де Невилль был, быть может, самым последовательным и преданным сторонником павшей монархии, одним из тех, кого уже в период Реставрации называли роялистами большими, чем сам король. В своем полном неприятии революции Ид де Невилль в чем-то даже превзошел Шатобриана, де Местра, а, возможно, и самого Берка [3–5]. Переживший многих своих единомышленников и политических оппонентов, он выразил свое кредо следующим образом: «Депутат, посол, министр, я всегда оставался одним и тем же; в исполнении моих обязанностей, я ни в малейшей степени не руководствовался собственными привязанностями. Я преданно и без всякой лести служил моей стране и моему королю... Я остался верен своим убеждениям. Когда Легитимность, которую я рассматриваю как краеугольный камень, необходимейший принцип монархии, будет восстановлена, она найдет меня, как и прежде, желающим: религии – без фанатизма, монархии – без злоупотреблений, свободы – без отклонения от правил» [2, р. XIII].

Исходя из этих слов, правомерно предположить, что Ид де Невилль в своих мемуарах должен был наиболее точно представить консервативную трактовку, или, если хотите, «взгляд справа» на события Великой французской революции. Весь текст его воспоминаний убедительно подтверждает это предположение.

Возможно, что истоки того пламенного роялизма, которому он не изменил до конца и которым он, безусловно, гордился, крылись в самом его происхождении. Потомок якобитов, бежавших из Англии после разгрома Претендента при Куллодене в 1746 г., Жан-Гийом, барон Ид де Невилль родился в провинциальном городке Ла Шарите сюр Луар за 12 лет до начала Великой французской революции. Получив первоначальное образование в Королевском колледже Св. Марии, в Бурже, де Невилль отправляется в Париж для дальнейшей учебы в колледже кардинала Лемуана. Это произошло в 1790 г., с которого и начинается «историческая» часть его мемуаров. Любопытно, что на предыдущих страницах воспоминаний Жан-Гийом ни словом не обмолвился о событиях, всколыхнувших тогда всю Францию (о созыве Генеральных Штатов и о взятии Бастилии), будто их и не было вовсе. О чем же это свидетельствует? Может быть, о том, что, как это ни удивительно, сам Ид де Невилль не придавал им того значения, которое им приписывали многие его современники, не говоря уже об историках. Возможно, конечно, и другое более простое объяснение: не будучи свидетелем названных выше событий, де Невилль и оставил их «за скобками» своих мемуаров. К слову

сказать, исходя из последующих страниц, второе объяснение выглядит ближе к истине, чем первое.

В охваченной революционными страстями столице Ид де Невилль, совсем еще подросток, тем не менее делает свой выбор определенно не в пользу революции. Первым крупным событием, совершившимся на глазах Жана-Гийома, было принятие 23 декабря 1790 г. так называемой гражданской конституции для духовенства. «Как почти все духовенство, – пишет мемуарист, – мой профессор, аббат Левассер отказался принести клятву. Испытывая ко мне большое доверие, достойнейший прелат посоветовался со мной относительно этого великого вопроса. Я посоветовал ему отказаться (от присяги); поступив таким образом, – продолжает он, – я больше думал о политике, чем о Царстве Небесном» [Ibid., р. 6]. Забросив учебу и отказавшись от карьеры военного, Ид де Невилль принимает посильное участие в происходящем тогда в Париже. Это проявляется, в частности, в публичных акциях, вроде той, которую он описал в своих мемуарах и которая, надо полагать, демонстрировала полную преданность автора старинной монархии. Как свидетельствует Жан-Гийом, эта история была связана с его первым посещением парижской оперы. «Королева должна была присутствовать на представлении *Nephte*, – вспоминал Ид де Невилль, – и многие молодые роялисты решились явиться туда для того, чтобы устроить овацию несчастной принцессе и защитить ее от оскорблений нанятых революционеров». Далее, по словам мемуариста, все происходило следующим образом. После появления королевы в здании Оперы раздался общий крик: «Шляпы долой!» Большинство присутствующих подчинилось этому требованию. Исключение составил некий Дюкро (впоследствии член Конвента, – отмечает де Невилль), заявивший, «что ничто не заставит его снять шляпу перед женой первого должностного лица в государстве». Завязалась потасовка, в ходе которой Жан-Гийом завладел шляпой злосчастного революционера, публично разорванной в клочья. Прибыли национальные гвардейцы, попытавшиеся арестовать автора мемуаров, но его выручили двое знакомых, которые помогли Жану-Гийому этого избежать [Ibid., р. 7]. Самого себя «образца 1790-го года» де Невилль именует «пламенным роялистом», «защитником королевского дела» [Ibid., р. 8]. Он становится членом политических клубов, заводит дружбу с несколькими, как он выразился, «отважными, предприимчивыми и хорошо информированными людьми», чьи мнения совпадали с его собственными, получает пропуск во дворец Тюильри от его коменданта.

Из событий 1791 г., случившихся в Париже, де Невилль вспоминает два эпизода, относящиеся к тому, что произошло в Тюильри в феврале и апреле этого

года. В первом случае, по его словам, во дворец явилась Национальная гвардия, разогнавшая столпившихся там роялистов под предлогом того, что те собрались там, дабы обеспечить бегство королевской семьи. Во втором случае (здесь даже фигурирует точная дата – 18 апреля 1791 г.) мемуарист вспоминает, как король намеревался уехать на пасхальную неделю в Сен-Клу. По его словам, во дворце собралось достаточное число роялистов, готовых разогнать толпу смутьянов, остановивших королевскую карету. Даже Лафайет, свидетельствует он, был готов содействовать отъезду кареты монарха, но «король, чья чрезмерная доброта была всегдашним объяснением как его слабости, так и оправданием ее, желал предотвратить кровопролитие и приказал им хранить спокойствие». «Однако, – замечает Ид де Невилль, – противостояние продлилось, толпа заблокировала ворота дворца, окружила карету, вопила и угрожала королевской семье. Королева, чье спокойствие и мужество не оставляли ее ни на мгновение, попросила стакан воды для дофина. Самые буйные остановили офицера, который принес его. Я находился недалеко от кареты и, не будучи в состоянии сдержать своего негодования, – вспоминал Жан-Гийом, – ринулся вперед, чтобы помочь офицеру. Пять или шесть негодяев немедленно набросились на меня. Я бы непременно стал их жертвой, если бы не отвага офицера Национальной гвардии, которому с саблей в руках удалось меня спасти. Меня отвели в караульное помещение, где я оказался в безопасности» [Ibid., p. 10]. После событий 18 апреля де Невилль издает политический памфлет под заголовком «Предостережение французам, или Последний призыв». Характеризуя его, Жан-Гийом скромно признается: «У меня не осталось сколько-нибудь отчетливых воспоминаний об этой моей первой попытке политической публицистики» [Ibid.]. Если верить Жану-Гийому, полиция усердно разыскивала автора памфлета, но не могла представить, что его написал автор пятнадцати лет от роду.

Отец Ида де Невилля, которому, по словам мемуариста, надоели его глупости, настоял на возвращении сына домой. Пребывание в кругу семьи оказалось, однако, недолгим. После скоростной смерти отца Жан-Гийом вновь едет в столицу и оказывается в Париже поздно вечером 10 августа 1792 г., т. е. буквально сразу же после штурма и взятия Тюильри восставшим народом. На следующий день по приезде в столицу де Невилль побывал в Тюильри, запечатлев на страницах своих мемуаров ужасающую картину убийства и грабежа, которую представлял собой атакованный восставшими и захваченный ими дворец. «Целью моей поездки в Париж и посещения Тюильри, – пишет Жан-Гийом, – было увидеть все собственными глазами и выяснить, каковы были под-

линные чувства людей относительно этого события (восстания 10 августа 1792 г.)» [Ibid., p. 12]. Ведя речь о «печальных предчувствиях», которые им овладели, мемуарист пишет о том, что «помимо нескольких человек, движимых одним лишь любопытством, толпа, через которую я вынужден был продираться, дышала мстью и кровопролитием!» [Ibid.]. Фантазмагорию этих дней в мемуарах Жана-Гийома дополняет еще одна, обладающая почти фотографической точностью картинка заседания Коммуны Парижа. В описании Ида де Невилля это было «чудовищное собрание! Бийо, Симон, Паш, Шометт и другие негодяи соперничали, стремясь превзойти друг друга в омерзительности резолюций, крайней свирепости речей: один желал, чтобы Капета кормили одним лишь хлебом, чтобы тот не умер от голода; другой добавлял, что это пустой перевод хлеба и что им следует поторопиться отправить его на плаху. Раздались оскорбительные возгласы в адрес мадам Елизаветы. Негодяй осмелился произнести это священное имя!... Кое-кто проголосовал за арест и смертный приговор. Другой призывал к грабежу, и он же в своем бешенстве предложил, чтобы монашенок, еще находившихся в своих обителях, бросили в тюрьмы, если они в течение года не подарят дитя Отчеству» [Ibid., p. 13]. Далее, по словам автора воспоминаний, один из санкюлотов обвинил аббатису монастыря Шайо в том, что она якобы укрывает бывших аристократов. Для того чтобы подтвердить свое подозрение, патриот предложил проверить ее переписку. Де Невилль бросился в Шайо, дабы предупредить аббатису о нависшей над ней опасности, и ему это удалось. Правда, завершая этот сюжет, Жан-Гийом признается: «Мне никогда не довелось узнать, принесло ли мое предупреждение какую-либо пользу» [Ibid.].

Позднее де Невилль попринадлежал на одном из заседаний Законодательного собрания, во время, как он сам выразился, «этой отвратительной сессии». Впечатления, вынесенные им с этого заседания, почти буквально повторяют его впечатления, оставшиеся от посещения собрания Парижской Коммуны. По словам мемуариста, «галереи (собрания) были заполнены женщинами, которые своими аплодисментами еще больше возбуждали безумный бред ораторов». «Увы, – констатирует Жан-Гийом, – законы природы были ниспровергнуты: страх и порок развратили все сердца» [Ibid., p. 14].

Заметное место в мемуарах Ида де Невилля занимает тема суда над королем Людовиком XVI [6]. Процесс над низвергнутым монархом, развернувшийся в декабре 1792 г., мемуарист, естественно, характеризует как «пародийный трибунал», «незаконный» и «отвратительный суд» [2, p. 18, 19]. Подробно излагая ход событий процесса, он особо отмечает об-

становку, воцарившуюся в столице. Обстановка запугивания и давления, свойственная этим «дням скорби и страданий» [Ibid., p. 15, 24], по мнению Жана-Гийома, во многом объяснялась тем, что произошло в Париже 2 сентября 1792 г., и тем, что менее чем три недели спустя свою работу начал Национальный Конвент. По поводу первого (так называемых «сентябрьских убийств») де Невилль высказывает следующее мнение: «2 сентября, – пишет он, – ... осыпало преступление!». «До той поры, – продолжает мемуарист, – кровопролитие случалось лишь время от времени и в жестоком противостоянии... теперь же ни возраст, ни немощность, ни красота не защищали жертв; зверство, трусливая свирепость уже не нуждались в каких-либо предложениях» [Ibid., p. 15]. Что же касается второго, то об этом находим в воспоминаниях интересный пассаж: «Законодательное собрание завершило свою позорную карьеру...; ему на смену явился Конвент, более сильный и лучше подготовленный для преступления. Отныне толпа стала сувереном; наиболее многочисленные и самые необузданные из них, якобинцы, составляли большинство (в Конвенте), в то время как умеренные, которых обыкновенно именовали Конституционалистами, почти полностью исчезли» [Ibid., p. 16].

Описывая судебный процесс над Людовиком XVI, де Невилль обращает внимание на «действительную и едва прикрытую власть Коммуны, которая... в реальности держала королевскую семью в своих лапах» [Ibid., p. 20] и была, по его мнению, куда могущественнее, чем даже сам Конвент. Подтверждая истинность этих слов, Жан-Гийом приводит конкретный пример, ярко демонстрировавший бессилие Конвента. Когда один из его депутатов предложил, чтобы Луи Капету было позволено видеться с семьей до вынесения ему приговора, Тальен простодушно воскликнул: «Это – не воля Коммуны» [Ibid., p. 21].

На всем протяжении главы, посвященной судебному процессу, де Невилль противопоставляет «коронованного мученика» его «судьям», всячески стараясь подчеркнуть добродетельность, незлобивость, самообладание Людовика, его любовь к народу. В качестве доказательства своей правоты мемуарист приводит многочисленные высказывания экс-монарха во время суда, в частности, «трогательные слова, которые он произнес, когда осмелились попенять ему за то, что он оказывал помощь беднякам, рабочим из Сент-Антуанского предместья: «Для меня не было большей радости, чем помогать тем, кто оказался в нужде» [Ibid., p. 19].

Развивая эту тему, Ид де Невилль затем, по меньшей степени дважды, касается одного из самых серьезных пунктов обвинений бывшего короля, а именно его ответственности за гибель людей в ходе революционных событий, таких, скажем, как события

10 августа 1792 г. «Лишь на один миг все королевское спокойствие покинуло его, – вспоминает мемуарист, – когда он был обвинен в том, что по его вине пролилась кровь народа 10 августа. Его лицо побагровело... и он громко воскликнул: “Нет, месье, это не моя вина!”» [Ibid., p. 19]. В другой раз, возражая своим обвинителям, Людовик сказал: «Обращаясь к вам, возможно, в последний раз, я говорю, что моя совесть чиста. То, что в Обвинительном Акте было заявлено, что я якобы желал пролить кровь народа, разбило мое сердце...». Сколько бы еще мне пришлось прожить, – комментирует эти слова Жан-Гийом, – мне никогда не забыть тот тон, каким они были произнесены. Довольно резкий голос короля смягчился вследствие очевидного, хотя и сдержанного волнения, став более звучным и проникновенным» [Ibid., p. 23]. «Несчастному королю», заслужившему «корону мученика», противопоставляются «мятежные подданные», выглядящие одинаково отвратительно как в зале суда, так и за его пределами. Описывая начало суда над королем, де Невилль не без ужаса вспоминал эти «страшные лица, которые, казалось бы, возникли из-под мостовых Парижа». «Среди этих людей, вооруженных пистолетами, саблями и ножами, – замечает он, – все же было несколько человек, чьи лица выдавали скрытую симпатию в отношении экс-монарха» [Ibid., p. 17]. Таким образом, то, что Шатобриан назвал в свое время «плебейской тиранией», «всемирным Тиберием со всемирной властью» [7, с. 126], на страницах воспоминаний де Невилля находит свое яркое воплощение.

Рассуждая о знаменитом процессе, де Невилль, разумеется, останавливается на характеристике позиций, занятых якобинцами и жирондистами по этому судьбоносному вопросу. Он подчеркивает, что якобинцы сам процесс над бывшим королем рассматривали как «ненужную снисходительность». «Сен Жюст и Робеспьер, – продолжает Жан-Гийом, – требовали осуждения без суда». «Нации не судят королей, – сказал Робеспьер, – они сокрушают их» [2, p. 16]. Совсем по-иному к процессу над низвергнутым монархом относились жирондисты. «Хотя и настроенные против суда над Людовиком XVI, – пишет де Невилль, – они подчинились, спрятавшись за спину народа, к которому, как к последнему спасительному средству, они надеялись обратиться по вопросу о судьбе короля» [Ibid.].

Касаясь вопроса своего личного участия в описываемых событиях, автор мемуаров не без гордости упоминает тот факт, что он несколько раз сопровождал из зала суда адвоката короля, г-на де Мальзерб [Ibid., p. 21, 29], проводил среди знакомых ему депутатов то, что он сам называл «агитацией» в пользу короля [Ibid., p. 24], а когда обвинительный приговор Людовику все же был вынесен, замыслил «рискнуть

своей жизнью, чтобы спасти короля» [Ibid., p. 29–30]. Он пишет далее о том, что «рассказал г-ну де Мальзербу о заговоре, подготовленном группой молодых и преданных людей, с целью совершить нападение, когда король проследует мимо, и вырвать его из рук его палачей». По мнению Жана-Гийома, этот план был вполне осуществим, ибо «среди них (т. е. людей, присутствующих на месте казни) было много тайных друзей, которые только ждали сигнала» [Ibid., p. 30]. Однако в ответ на его признание Мальзербу прозвучали разочаровывающие его слова о том, что «король решительно против любой попытки такого рода». Отказ, как пишет де Невилль, – «величественный приказ отнял у нас нашу последнюю надежду». Этот отказ короля от помощи со стороны его преданных сторонников, по мнению мемуариста, «был последним подтверждением доброты Людовика XVI, который не позволил нам рисковать своими жизнями ради спасения его собственной» [Ibid.].

Вообще, если подытожить то, что де Невилль написал по поводу суда над низложенным монархом, то все умещается в короткое выражение «великое преступление». «Все было кончено! Наилучший из королей, самый добродетельный из людей, должен был погибнуть, приговоренный к смерти представителями народа, которому он сделал больше, чем какой-либо из королей, его предшественников, повергнутый во имя той свободы, которой он больше всего стремился содействовать» [Ibid., p. 31].

Характеризуя события, произошедшие после казни короля, де Невилль прежде всего упоминает о 31 мая – 2 июня 1793 г., которые привели к падению Жиронды. Не без злорадства он констатирует, что «жирондисты в действительности пожинали плоды своей слабости, позволив осудить короля... их собственный приговор подобным же образом был озвучен незадолго до событий 31 мая. Этот день явился, так сказать, мстью Провидения за 10 августа и 20 июня» [Ibid., p. 34]. Определяя эпоху господства якобинцев как время террора, «время, когда права граждан нарушались каждый день», «дни бешенства, когда случай занял место закона», «роковое время» [Ibid., p. 37–38], де Невилль следующим образом изображает конфигурацию власти, сложившуюся в стране с установлением якобинской диктатуры: «По всей Франции было одно и то же, – вспоминал Жан-Гийом, – повсеместно террор достиг своей вершины. Презренные людишки намеренно разжигали огонь, сознавая, что страна вышвырнет их вон в тот миг, когда они дадут ей прийти себя. Другие, куда менее многочисленные, всерьез относились к своим речам и в своем безумии уверовали в теории, которые они постоянно обсуждали. Закон о “подозрительных” отдал Францию во власть доносчиков». Установление Революционного правительства номинально пере-

дало власть в руки Конвента, но в действительности Комитету общественного спасения. «После 31 мая, – пишет он в другом месте, – реальная власть перешла к Комитету общественного спасения. Тюрьмы все еще были переполнены, и ставший теперь постоянным эшафот не справлялся со все возрастающим числом жертв» [Ibid., p. 37]. «Якобинцы, ставшие господами положения..., довели Революцию до крайних эксцессов» [Ibid., p. 34], – констатирует мемуарист. Однако, давая якобинскому периоду революции, в целом, крайне негативную оценку (что для людей, подобных ему, было, в общем, совершенно естественно), Ид де Невилль вместе с тем замечает: «Я обязан воздать должное врагу (речь, безусловно, идет о якобинцах), низвергнувших здание, которое я жаждал защитить» [Ibid., p. 40].

Говоря о терроре, развязанном якобинцами, Жан-Гийом упоминает еще об одном любопытном общественном феномене – моде... на террор. Рассуждая об этом, де Невилль писал: «Как правило, политические события не затрагивают жизнь частных лиц и их не касаются; в это же время (в годы террора) их влияние глубоко проникло в социальные привычки и завладело ими; ...Ветреность, многие следы которой все еще были заметны, странным образом контрастировала с ужасающей серьезностью окружающих обстоятельств. Часто эта серьезность провоцировала ее; среди драгоценностей дам можно было видеть искусные модельки маленьких гильотин, украшавшие их уши и шеи; названия их нарядов содержали некоторые аллюзии на существующую ситуацию; их волосы были уложены в прически *alavictime* (под жертву). Заключение, прежде чем очутиться в руках палачей, отыгрывались, сочиняя про них куплеты. Женщины учились грациозно всходить на эшафот, взбираясь по сваленным друг на друга стульям. Все это было не столько геройской бравадой, сколько ее оскорблением, – замечает мемуарист. – Такое презрение к смерти не давало ей возможности достичь своей цели...» [Ibid., p. 41].

На фоне «зверств», организованных монтаньярами, низвергнутые ими жирондисты вызывают у автора воспоминаний что-то весьма похожее на сочувствие. «Казнь жирондистов, – замечает он, – последовала вскоре после казни королевы. День 31 октября стал свидетелем исчезновения блистательной Плеяды, которая олицетворяла интеллектуальную сторону Революции. Конвент совершил непоправимую ошибку, предоставив жирондистов мести их врагов; он не понимал, что тем самым лишает себя собственной головы...» [Ibid., p. 47].

Однако, если жирондисты – всего лишь очередные жертвы Революции, то подлинными героями для де Невилля являются вандейские мятежники, «святые Вандеи... Кателино, Ларошжаклен, Лескюр». Он не

скрывает своего «восхищения этими отважными рыцарями, которые первые подняли оружие, чтобы сразиться с анархией и восстановить трон и алтарь» [Ibid., p. 49]. Мятеж на Западе де Невилль называет «легендарной войной», в которой горстка крестьян поставила Республику в отчаянное положение и подвергла ее почти стольким же опасностям, что и союзнические армии» [Ibid., p. 38]. В какой-то мере эти слова перекликаются со сказанными куда позже словами Наполеона, назвавшего войну в Вандее «битвой гигантов».

Тема Вандеи и ее вождей многократно встречается в воспоминаниях де Невилля. Это не удивительно, ибо со многими деятелями вандейского восстания автор был знаком лично, а кое-кто из них прямо состоял с ним в родстве. К тому же и сам Жан-Гийом где-то прямо, где-то косвенно принимал в нем непосредственное участие [Ibid., p. 38–40, 58–61, 63–83].

Завершая раздел мемуаров, где речь идет о терроре, Жан-Гийом дает в чем-то «классическую» картину того, что представляла собой Франция к лету 1794 г.: «Робеспьер царил на самой вершине, – пишет об этом времени де Невилль, – и... его власть постепенно поглотила все силы Революции. В какой-то момент Коммуна во главе с Эбером и его партией попыталась остановить это все возрастающее влияние. Затем мы увидели союз, сформировавшийся между двумя партиями, которые не могли объединиться иначе как против третьей. Робеспьер нуждался в Дантоне, дабы сокрушить Эбера. Настоящая пропасть образовалась между этими двумя людьми, так долго соперничавшими друг с другом в преступлении; Дантон начал демонстрировать относительно умеренность; подстрекатель и безучастный наблюдатель сентябрьских убийств, он, казалось, устал от кровопролития. В то же время Робеспьер полагал, что он нуждается в этом больше, чем когда-либо, и после того, как с помощью Дантона он отправил эбертистов на плаху, настало время Дантону и его партии разделить их судьбу» [Ibid., p. 47].

Низвержение якобинской диктатуры, по мнению де Невилля, было в высшей степени благостным событием для его родины. «Наконец наступило 9 термидора, – вспоминал мемуарист. – Невозможно описать того облегчения, которое охватило измученную, стонущую Францию при известии о смерти Робеспьера. Честные люди могли отныне дышать спокойно» [Ibid., p. 49].

То, что впоследствии получило название «Термидорианской реакции», в описании Жана-Гийома выглядит следующим образом: «Реакцию 9 термидора департаменты приветствовали ничуть не меньше, чем Париж; они были насильственно увлечены Революцией, будучи далеко не полностью вовлеченными в нее» [Ibid. p. 50]. Преследование «охвостья Робеспье-

ра» в устах де Невилля всемерно одобряется. «В Ниевре, – замечает он, – как и по всей Франции, раздалась громкие протесты против преступных агентов Конвента...» [Ibid.]. Ведя речь о так сказать «материальной стороне» этих протестов, мемуарист много и с видимым удовольствием пишет о том, как в Париже и в других местах развернулись преследования «патриотов», этих, как он выразился, «людей, погрязших в преступлениях». Некоторые из них, не без сожаления замечает он, «были всего лишь заключены в тюрьмы – очень легкое наказание за то, что они сотворили» [Ibid.]. В травле якобинцев активнейшее участие после Термидора приняла так называемая *jeunesse dorée* («золотая молодежь»), к которой принадлежал и сам Жан-Гийом. «Этот авангард нации выражал ее устремления и был настоящей властью в Париже» [Ibid., p. 52]. «Мое рвение скоро привело меня в их (“золотой молодежи”) ряды, – вспоминал автор. – Мы установили нечто вроде диктатуры, которую никто не оспаривал, потому что она выражала тайные желания всех. Мы изо всех сил демонстрировали наше всемогущество во всех общественных местах, театрах, местах собраний секций, кафе и променадах... Легко себе представить, как террористы воспринимали наши «термидорианские» войска, – замечает де Невилль, – но на нашей стороне было общественное мнение и энтузиазм юности... Порядок был еще слаб, необходимо было защищать его со всей возможной бдительностью. Мы не позволяли каким-либо толпам собираться по вечерам: стоило какой-то группе собраться вместе, как мы тотчас же приближались к ней, затянув *Reveil du peuple* (Пробуждение народа), популярную песню, заменившую кроваво-жидкие песни Революции; мы постоянно разгоняли толпу с помощью или без помощи наших тростей, которые были нашим единственным оружием, так как мы решили не использовать никакого иного. Палка! Это, в самом деле, был знак того, что ужасная Революция закончилась! Однако, – пишет де Невилль, – мы пускали палку в ход ради мира и порядка, но стремились делать это как можно меньше; это была, на самом деле, очень мягкая власть в сравнении с той, которая была вчера» [Ibid.].

Любопытно, что «освободившийся» от робеспьеристов Конвент вполне благосклонно относился к «золотой молодежи». «Конвент с удовлетворением видел, как мы (“золотая молодежь”) заполняем галереи (зала заседаний) и сопровождаем депутатов на улицах, признавая в нас поддержку их куда более умеренным взглядам» [Ibid., p. 53], – отмечал в своих мемуарах де Невилль.

Переломным событием в принявшей нешуточный размах во Франции кампании против «охвостья Робеспьера», по мнению автора воспоминаний, был суд над «негодяем Каррье» – одним из самых жестоких

якобинских проконсулов эпохи Террора. Судебный процесс над еще недавно могущественным комиссаром Конвента взволновал общественное мнение по всей стране, но особенно, конечно, в Париже. Центром сопротивления преследованию патриотов должен был стать и действительно стал Якобинский клуб, как выразился мемуарист, «мерзкий клуб, инициатор всех преступлений, совершившихся в последние годы...». В стенах Клуба прозвучали грозные речи. Так, выступавший там Бийо-Варенн прямо обвинил Конвент в «аристократических наклонностях», пригрозив «пробуждением льва». В ответ в Конvente начались бурные дебаты, продлившиеся несколько дней и продемонстрировавшие желание и намерение распустить Якобинский клуб... «Но, – замечает мемуарист, – ни одна из законных властей не решалась взять инициативу на себя. Тогда в дело вмешалась “золотая молодежь”». Дальнейшее развитие событий в мемуарах де Невилля изложено следующим образом: «9 ноября (1794 г. – *A. E.*), – вспоминал Жан-Гийом, – мы (“золотая молодежь”) единой колонной вышли из Пале-Рояля, чтобы взять в осаду Якобинский клуб. Мы легко одолели толпу его сторонников и пошли дальше для того, чтобы напасть на его двери и окна с палками и камнями; целый град камней оказался внутри здания. Якобинцы попытались вырваться наружу; борьба была жестокой и возобновлялась несколько раз; и наконец, прибыл патруль, направленный Комитетом общественного спасения, положивший предел разгоревшемуся конфликту и завершивший нашу работу, очистив помещение. На следующий день Комитет потребовал ключи от Клуба, их передали ему. И это был конец якобинцев [Ibid.].

Интересной чертой посттермидорианской Франции были принципиально новые явления, ярко проявившиеся в существенно ином нравственном состоянии общества. «Зима 1795 г., – пишет по этому поводу мемуарист, – принесла самые удивительные примеры экстравагантности в веселье и одежде; это было реакцией на долгий период ограничений. Никогда, однако, такое бедствие, как голод, не свирепствовало с такой жестокостью, как в этот год испытаний» [Ibid., p. 53–54].

Народные восстания в Париже в жерминале и прериале (апреле и мае) 1795 г. [8], в подавлении которых автор сам деятельно участвовал в составе, как он выразился, «нашей юной армии» [2, p. 55] (речь идет о «золотой молодежи»), он характеризует, как «более прискорбные, нежели ужасные» [Ibid., p. 54]. Согласно его словам, «восстание I прериала (20 мая) было последним усилием со стороны якобинцев...» [Ibid., p. 56].

Всецело одобряя действия термидорианского Конвента весной 1795 г. и характеризуя их как «последний удар против террористов» [Ibid.], Ид де Не-

вилль по-прежнему остается, как он сам выразился, «яростным реакционером» [Ibid., p. 61]. В этом контексте очень интересно то, как он оценивал шансы сторонников Бурбонов на победу в 1795 г.: «Сразу же после 9 термидора сильно проявилась склонность к монархическим идеям, – отметил мемуарист, – и влиятельные люди, вроде Ланжоине и Буасси д’Англа, открыто заигрывали с роялистами. Пишегрю, герой войны в Голландии, вскоре был лишен командования по такому же обвинению.

Ужасное несчастье Киберона не стало катастрофичным для дела роялистов. Героизм участников экспедиции и сочувствие, которое они вызвали, привлекли внимание к партии, которая взрастила таких благородных защитников [Ibid., p. 57–58].

Очень любопытно, как де Невилль описывает события 13 вандемьера [9]. Эти события и в мировой, и в отечественной историографии зачастую именуется роялистским мятежом [10, с. 12]. Однако мемуарист оценивает их совсем по-другому: «Современные авторы, – замечает он, – приписывают 13 вандемьера роялистским интригам. Это утверждение противоречит самому себе. Вы не сможете поднять восстание в столице при помощи интриг; восстание должно быть действием, совершенным под влиянием почти единодушного общественного мнения. Но все мои современники, равно как и я, знали, что монархия являлась тем прибежищем, к которому были прикованы все взгляды. А потому не роялизм вызвал 13 вандемьера, но всего лишь принял в нем участие; и возможно, что он воспользовался бы его успехом, если бы восстание восторжествовало» [2, p. 58]. Однако, как известно, восстание потерпело поражение, а термидорианский Конвент, полномочия которого, правда, подходили к концу, устоял. Среди важнейших последствий 13 вандемьера Жан-Гийом отмечает «значение, которое события этого дня придали Баррасу и Бонапарту», а также то, что разгром вандемьерских мятежников в чем-то предопределил выбор законодательными советами пяти директоров из весьма малозаметных личностей. «Полагали, – пишет по этому поводу де Невилль, – что посредственности вызовут меньшую оппозицию... и, таким образом, во власть проскользнули такие ничтожества, как Ребель, Ларевальер-Лепо и Летурнер, а также Баррас – неизбежный герой минувшего дня; Карно, который был избран после того, как Сийес отказался от должности, был единственным талантливым человеком во всей Директории» [Ibid., p. 61].

Пришедшему на смену термидорианцам режиму Директории на страницах мемуаров дается весьма неллицеприятная оценка: «Несомненно, что Франция никогда не была объектом столь унижительного ига, как при Директории. Правда, что ни одно общественное бедствие, – отмечает мемуарист, – не может

сравниться с террором, но правительство, ведущее нацию к деградации, возможно, даже опаснее того, которое терроризирует ее. Коррупция – это самая разрушительная сила... Никогда прежде коррупция не проявляла себя в такой большой степени. Самая разнузданная роскошь оскорбляла нищету простого народа; богатства, обретенные посредством грабежа, с бесстыдством выставлялись напоказ; но именно в Люксембурге (Люксембургском дворце. – А. Е.), где воцарились директора, эта расточительная роскошь достигла крайних пределов» [Ibid., p. 62].

Довольно интересный и вместе с тем обширный материал дают мемуары де Невилля относительно событий 18 фрюктидора V года Республики (4 сентября 1797 г.) [11]. Ведя речь о ситуации, сложившейся в стране к 1797 г., де Невилль отмечает: «С самого начала 1797 г. все взоры были обращены к выборам (в состав законодательных советов. – А. Е.), которые должны были пройти в мае. Общественное мнение становилось все более и более оппозиционным в отношении Директории. Эта контрреволюционная тенденция была не полностью в пользу монархии, но по вопросу о низвержении правительства общественное мнение было едино. Результаты выборов выявили эту тенденцию еще более отчетливо, определив в два совета людей явно умеренных взглядов. Пишегрю возглавил Совет Пятисот» [2, p. 84]. Именно Пишегрю, по мнению Жана-Гийома, стал ключевой фигурой, фактически разработавшей «полный план заговора», целью которого было низвержение режима Директории и «восстановление старинного трона» [Ibid., p. 85]. Подчеркивая особую значимость Пишегрю в надвигавшемся кризисе, де Невилль также утверждает, будто Директория, совершая государственный переворот, имела в виду прежде всего его.

Сочувствуя арестованным, а затем высланным из страны после 18 фрюктидора членам законодательных советов, вместе с лишившимся своего поста директором Бартеlemi де Невилль пишет следующее: «Среди них (депутатов. – А. Е.) хотя и существовал широкий разброс политических мнений, находились величайшие таланты, честнейшие личности и самые выдающиеся государственные деятели, которыми тогда располагала страна: Порталис, Буасси д'Англа, Барбе-Марбуа, Троншон, Дюкудрэ, Симеон, Саладин, Вилларе-Жуайез, Камий-Жордан, Пасторе, Пишегрю, Вийо, Рамель, Ровер, Бурдон из Уазы. Некоторые журналисты также были *фрюктидоризированы*: Мишо, Ла Гарп, Сюар и аббат Сикар; но они, как и многие другие, сумели избежать ареста» [Ibid., p. 89]. Роялист де Невилль, разумеется, хорошо отзывался и о Бартеlemi, который, будучи «известным монархистом» [12, с. 257] (наряду с Карно, о котором, однако, мемуарист в этом контексте даже не упоминает?!), тоже стал одной из жертв своих коллег-триумвиров

(Барраса, Ребеля и Ларевальера-Лепо). «Большинство членов Директории погрязли в золоте... – пишет он об этом, – а объявленные вне закона, после того как они занимали высшие посты в государстве, остались бессеребренниками. Завоевателю Голландии (Пишегрю. – А. Е.) пришлось продать свою шпагу и мундир, чтобы расплатиться с пустяжными долгами. У Бартеlemi, в недавнем прошлом посла и директора, было всего-навсего двадцать тысяч франков» [Ibid., p. 89].

Много и довольно подробно де Невилль пишет о планах роялистского восстания в Вандее, Бретани и Нормандии осенью 1799 г., а также о намерении некоторых видных политиков заменить режим Директории чем-либо более приемлемым для страны [Ibid., p. 109–117]. В связи с последним он, в частности, упоминает французского проконсула в Голландии Шарля-Луи Семонвиля, которого характеризует как «искусшенного политика, чье честолюбие побудило его высказаться в поддержку Революции с самого ее начала» [Ibid., p. 109]. Как раз ему, по утверждению мемуариста, принадлежал план замены «царства адвокатов» правлением, которое зиждилось бы на «военной славе» [Ibid., p. 110]. «Поэтому он (Семонвиль. – А. Е.) принялся искать среди республиканских генералов того, кто был в состоянии сыграть важную роль, отводившуюся ему, и в то же самое время поддерживал бы его собственные амбиции» [Ibid.]. Таким приемлемым кандидатом в качестве «меча», по словам де Невилля, для Семонвиля являлся генерал Бартеlemi Жубер. Для того чтобы прочнее привязать к себе Жубера, Семонвиль даже организовал скоропалительный брак перспективного генерала со своей приемной дочерью. Последовавшая вскоре гибель Жубера в битве при Нови (15 августа 1799 г.) лишь отодвинула эти планы, но «не отвратила Семонвиля от его проекта; он принялся за поиски нового орудия, и с этих пор все его надежды были связаны с Морю» [Ibid., p. 118; 13]. Однако «этот генерал, – замечает мемуарист, – более нерешительный и, вероятно, менее предприимчивый, чем Жубер, медлил и заставлял других медлить...» [2, p. 118].

Своеобразную «смену декораций» в планах переворота де Невилль связывает с двумя обстоятельствами. Во-первых, со вступлением в должность директора Э. Ж. Сийеса; во-вторых, с возвращением генерала Бонапарта из Египетской экспедиции. По словам мемуариста, Сийес, вернувшись «из Пруссии, где он был послом... присоединился к партии Семонвиля, надеясь обрести контроль над движением и возглавить его по своей воле в интересах Франции» [Ibid.]. В то же время внезапное появление во Франции генерала Бонапарта, «которого никто не ожидал... чудодейственное возвращение произвело впечатление на все партии» [Ibid.], также во многом изменило расклад сил.

Рассуждая о подготовке и ходе государственного переворота 18 брюмера, автор воспоминаний утверждает, что «ничего не было тогда известно о Буонапарте, кроме его воинской славы» [Ibid., p. 121]. Настоящими «архитекторами» ноябрьского *coup d'état* в мемуарах де Невилля выступают все тот же Сийес, а также Талейран, Фуше и младший брат Наполеона – Люсьен Бонапарт [Ibid., p. 119–121].

«Государственный переворот, – по словам мемуариста, – перечеркнул наши надежды (имеются в виду надежды французских роялистов. – А. Е.)» [Ibid., p. 120]. Развивая эту тему дальше, де Невилль отмечает, что «сразу же после 18 брюмера Месье (граф д'Артуа. – А. Е.) приказал нам (роялистам) в настоящий момент не предпринимать никаких дальнейших действий (относительно подготовки восстания против Республики), но предоставить ему самую полную информацию относительно сложившейся (в стране) ситуации» [Ibid., p. 124]. Мемуарист признается, что при известии о захвате власти Бонапартом его посетили смутные надежды. Поясняя, что он имел в виду, в другом месте де Невилль записал, что вслед за установлением Консульства «ни малейшая мысль относительно роли Кромвеля не закрадывалась даже в самые буйные головы. Многие, и я в их числе, мечтали о Монке» [Ibid., p. 121]. Мечты оказались тщетными. Две встречи роялистских эмиссаров с Первым Консулом (причем в них непосредственно участвовал автор мемуаров) в декабре 1799 г. [Ibid., p. 125–127] положили конец роялистским иллюзиям. «Наши встречи, – пишет де Невилль, – оказались бесплодными; и все же они помогли каждой партии понять, чего им ожидать друг от друга. Отныне мы не могли питать каких-либо иллюзий относительно Буонапарте, равно как и он понял, кто мы такие и что тех, кто находится на нашей стороне, невозможно заполучить задешево, на что он, вероятно, надеялся» [Ibid., p. 131].

Таким образом, можно констатировать, что мемуары Ида де Невилля представляют собой очень интересный, информативный, хотя, разумеется, и весьма пристрастный источник, содержащий во многом уникальную информацию.

Внимательное их прочтение и анализ дают возможность взглянуть на события Французской революции конца XVIII в. как бы с «правого фланга» и

тем самым лучше понять, что из себя представлял контрреволюционный лагерь, одним из типичнейших представителей которого был барон де Невилль.

Автор фундаментального труда по истории французской контрреволюции Д. Ю. Бовыкин справедливо заметил, что «работы по контрреволюции немногочисленны, они составляют лишь малую часть от огромного количества исследований по этой эпохе (эпохе Французской революции. – А. Е.)» [14, с. 10]. То же самое можно, в принципе, сказать и об изучении источников, вышедших из-под пера «пламенных контрреволюционеров», которые по-своему описали и оценили то, что даже Эдмунд Берк характеризовал, как «удивительнейшее в мире событие» [5, с. 47].

ЛИТЕРАТУРА

1. Encyclopaedia Britannica. – Chicago, 2007. – Vol. VI.
2. Memoirs of baron Hyde de Neuville. Outlaw, Exile, Ambassador. – Lnd., 1913. – Vol. 1.
3. Шатобриан Ф.-Р. Опыт исторический, политический и нравственный о древних и новейших переворотах : в 2 ч. / Ф.-Р. Шатобриан. – СПб., 1817. – Ч. 1–2.
4. Местр Ж. де. Рассуждения о Франции / Ж. де Местр. – М., 1997.
5. Берк Э. Рассуждения о революции во Франции / Э. Берк. – М., 1993.
6. Беркова К. Н. Процесс Людовика XVI / К. Н. Беркова. – М., 2015.
7. Шатобриан Ф.-Р. Замогильные записки / Ф.-Р. Шатобриан. – М., 1995.
8. Тарле Е. В. Жерминаль и прериаль / Е. В. Тарле // Сочинения : в 12 т. – М., 1959. – Т. 6.
9. Бовыкин Д. Ю. Парижское восстание 13 вандемьера IV года республики / Д. Ю. Бовыкин // Вопросы истории. – 2014. – № 11. – С. 67–81.
10. Ревуненков В. Г. Очерки Великой французской революции. 1789–1799 гг. / В. Г. Ревуненков. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989.
11. Погосян В. А. Переворот 18 фрюктидора V года / В. А. Погосян. – Ереван, 2004.
12. Собуль А. Первая республика во Франции. 1792–1804 / А. Собуль. – М., 1974.
13. Зотов А. В. Главный соперник Наполеона. Великий генерал Моро / А. В. Зотов. – М., 2012.
14. Бовыкин Д. Ю. Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799 гг. / Д. Ю. Бовыкин. – М., 2016.

Южный федеральный университет

Егоров А. А., доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории и международных отношений

E-mail: egorov_1799@mail.ru

Southern Federal University

Egorov A. A., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Foreign History and International Relations

E-mail: egorov_1799@mail.ru